

Настасья Реньжина

ПОСЛЕДНИЙ
ПАРОМ
ЗАБОЛОТЬЯ

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р39

Ответственный редактор *А. Цыганкова*
Оформление серии *А. Кроник*

Реньжина, Настасья.

Р39 Последний паром Заболотья : роман / Настасья Реньжина. — Москва : Эксмо, 2026. — 288 с.

ISBN 978-5-04-231846-7

В северной деревне Заболотье, на берегу Шексны, природа и человеческие судьбы сплетаются в тугий узел. Паромщик Михаил любит эту суровую землю и таинственную затопленную церковь в Крохино, восстающую из воды как призрак прошлого. Он цепляется за корни и верит, что даже здесь можно построить будущее. Его жена Ира, задыхаясь от нищеты и безысходности, видит в родной деревне лишь болото упадка, где каждый дом хранит память о чужом горе и неотпущенных грехах.

«Последний паром Заболотья» — новая книга Настасьи Реньжиной, автора бестселлера «Бабушка сказала сидеть тихо». Это пронзительный роман о Русском Севере и вымирающих деревнях Вологодчины, о силе места, семейных травмах и мучительном выборе между родной землей и будущим.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-231846-7

© Н. Реньжина, текст, 2026
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2026

*Памяти моего папы.
Я всегда буду любить тебя.*

Пролог

2024 год

Слишком далеко и слишком глухо. Они бросили машину минут двадцать назад, оставили на заросшей лесной дороге, после того как Митя объявил, что дальше проехать не сможет. Все четверо вылезли из «Мазды». Юля тут же достала телефон и сделала селфи. Лена уныло огляделась. Митя проверил колеса. Даня втянул воздух и, прикрыв глаза, громко выдохнул: «Хорошо-то как!» Они молча двинулись по дороге, которую все больше и больше затягивало мхом и травой, пока она не пропала совсем. Лена оглянулась: ярко-красная «Мазда» посреди темно-зеленого леса смотрелась чужеродно и нелепо, но зато ее было легко найти. Вскоре и она исчезла. Лес ее спрятал.

Парни неслись широкими шагами, точно лоси. Девушки едва успевали за ними, но окликнуть не решались. Спотыкались, напарывались на острые сучья — руки в кровь, падали носом в мох, поднимались, к лицам прилипала густая паутина. Юле под штаны муравей заполз, не прогнать, кусается теперь.

— Эй! — ветер подхватывает крик и уносит прочь.
Парни не оглянулись даже.

— Э-эй!

Встали. Но девушек не ждали, просто мешкали, сверялись с компасом, навигатором, картой, солнцем, ветром, соснами, елями, чагой, брусничным листом.

Догнали.

— Здесь точно есть деревня? — спросил Даня Лену.

Она кивнула, хотя сама уже начала сомневаться. По отцовской карте из куска старых обоев, на которой елочки словно детской рукой нарисованы, Заболотье где-то здесь, рядом.

— На кой нам сдалась эта деревня? — вытолкнула из себя Юля. — И название дурацкое какое-то.

Достала из кармана телефон — одна черточка. Связь хоть и слабая, но есть. Открыла загруженные заранее карты: посреди зеленого Ничто одиноко торчала коричневая стрелка. Ни тропинок, ни дорог, ни заброшенных деревень, ни нужного им Заболотья. Сама решай, где ты.

— В смысле «на кой»? — возмутился Митя. — Ленка говорит, большая была деревня. Мне кажется, тут есть чем поживиться? Да, Ленк?

Лена опять кивнула, а самой страшно стало. Не от леса и не оттого, что Заболотье найти не могут, а как раз наоборот: вот доберутся они до деревни, а там пусто, там нечем поживиться. Получится, что зря она друзей сюда притащила. А ведь два дня назад она чуть не взвизгнула от восторга, когда ребята согласились с ней поехать в Заболотье, которого уже и на Яндекс-картах нет.

— Слушайте, в округе и без того много заброшек, — продолжала ворчать Юля. — Че мы сюда по-

перлись? Неужели нельзя было найти что-то поближе к дороге.

— Ближе? — спросил Митя. — Забыла, как нас в прошлый раз чуть не поймали?

Ребята уже не впервые по заброшенным деревням ползают — ищут забытое-старинное, а потом перепродают. Хобби такое. У каждого своя работа: Митя — автоэлектрик, Даня — программист, Юля и Лена — бухгалтеры, но интерес к заброшкам у них общий. И едва только выходной выпадает на один день, едут исследовать оставленные людьми деревни. Парни больше наживы ради — вдруг что-то ценное, а то и вовсе клад попадетсЯ. Девушки же скорее из любопытства: это как проникнуть в чужую жизнь, прикоснуться к тому, что твоим не было, но хотя бы на мгновение может таковым стать.

Прошлая вылазка была неудачной. Принесла лишь рваные штаны, колени в синяках, царапины по телу. Долгий-долгий свист за спиной — то ли полицейский, то ли просто мужики какие — не разберешь. Да и не надо было разбирать. Бежать надо было. Прыгать из окна старого дома, скорее к машине, уносить ноги. Побросать все, что в руках, все равно ничего толкового не нашли — зеркало старинное да дырявые рушники. Рушники и даром никому не нужны, а зеркало на «Авито», ну, тысячи за три можно продать. Разве ж это улов? Даня зеркало бросил, то упало, разбилось и злобно звякнуло обидчикам вслед.

Со старыми домами всегда сложно: не поймешь, насколько они заброшенны. Стоят себе годами, крепятся набок и медленно оседают, будто от усталости.

И не нужны никому. И забыты всеми. Но стоит только в них залезть, как сразу находятся защитники: это нельзя, это чужое, это грех!

Грех бросать все это. И себе не брать, и другим не давать.

— Туда! — скомандовала Лена, указав на чащобу.

— Эм... Там точно когда-то жили люди? — Юля закатила глаза. — В такую глушь только собаки умирать ходят.

— Туда! — настояла Лена.

Теперь шли медленнее. Даня ветку сломал, размахивал ею, злых духов отгонял. Или комаров. Скорее комаров — их чем дальше, тем больше. Впиваются так, словно никогда крови не видели, как и выжили? У Юли уже все лицо от укусов чесалось, ладони чесались, затылок чесался. Наверняка все красное, пупырчатое. Камеру на телефоне включила — так и есть, волдыри. Проклятые комары!

Деревья зачастили, уплотнились, сдвинулись. Даня, Митя и Юля совсем сникли, на Лену поглядывают — туда ли идем? Лена нижнюю губу искусала до крови, хорошо, не замечает никто, не видит ее неуверенности. Ребята доверяют ей, даже слишком доверяют, считают, что у нее особая чуйка на старинное — что стоит внимания, а что лучше оставить догнивать свой век вместе с заброшенной деревней.

В прошлом году забрались в Песках в старый дом. У того крыша почти рухнула, пол в дырах — можно погреб углядеть, окна выбиты. Словом, искать в таких домах обычно нечего. Разве что ворох корзинок,

плесневелую одежду и съезжившиеся от влажности открытки да письма, в которых не разобрать ни буквы. Вот и здесь ничего не нашлось. Остатки ткацкого станка, валенки, никуда не годные и проеденные мышами. Митя чертыхался. Даня весь пол оплевал. Юля, как всегда, недовольно закатывала глаза. Решили, что нечего тут искать, разве ждать, пока пол обвалится.

Уже на выходе Лена заметила крохотную дверь, как для ребенка. За дверью что-то вроде кладовки — темно и пусто. Лишь дощечка валяется.

Даня опять на пол плюнул.

— Думал, хоть тут что ценное будет.

Лена же дощечку на свет вытащила. Темная, почти черная, с трещиной сбоку.

— Разделочная, что ль? — спросил Митя.

— Не знаю, — Лена провела по дощечке кончиками пальцев, показалось, что неровное, будто что-то там есть под чернотой. — Непохоже.

— Да брось ты ее, — сказал Даня.

Но Лена взяла. Сама не знает зачем. Захотелось. Да и дощечка-то с тетрадный лист.

Дома протерла сухой тряпкой, влажной побоялась. Как была дощечка темной, такой и осталась. Лена положила ее на подоконник и забыла дня на два, на три. А когда вспомнила, обнаружила, что проступил на дощечке рисунок — кисть руки, поднятая вверх. На следующий день обозначились глаза, а через неделю явился нечеткий, темный, но вполне различимый Христос.

— Икона! Ребят, это была икона! — радостно сообщила Лена друзьям.

Те не поверили, пока сами не увидели. А как увидели, так продать захотели. Такие древности им нечасто попадаются. Иконы люди с собой уносят, покидая дома. Все могут оставить, а Богоматерь, Христа, Сергия Радонежского, других святых — никогда.

Лена икону продать не разрешила: это ее.

Минут через пять вышли к деревне.

— Так вот ты какое, Заболотье! — язвительно сказала Юля.

От деревни почти ничего не осталось. Дома черные, с обвалившимися крышами, какие-то избы и во все упали — не выдержали одиночества, у каких-то лишь нижние ряды бревен уцелели, на них кое-как держались кривые оконные рамы без стекол. Электрические столбы валяются, провода срезаны. Трава, кусты, борщевик захватили это место, еще немного — и проглотят полностью. Ни тропинок, ни дорог не осталось.

Ребята шли по деревне тихо, боясь нарушить ее покой.

— М-да-а, — протянул Митя. — Тут нам ловить нечего.

Лена молчала, чувствуя, что это она виновата в том, что Заболотья больше нет. Подвела чуйка.

— Смотрите! — крикнула Юля.

Между деревьями торчал небольшой серый дом, он стоял чуть в стороне от «большой деревни», оттого его и не заметили сразу. Он тоже покосился, и в крыше зияли дыры, одна стена почти упала, а вместо окон — чернота, но в него можно было залезть.

— Ну и хибара, конечно, — протянул Митя. — Как она выстояла, когда от других домов ни фи́га не осталось?

Митя, Даня и Юля чуть не побежали к серому дому, а Лена замерла — тело ее вдруг отяжелело, а сердце принялось отстукивать: «Оно-оно-оно-оно-оно-оно-оно-оно». Когда она дошла до дома, друзья уже всю там ходили, бродили, стучали, искали. Лена встала у входной двери и осмотрелась: все не то, все другое, деревья стали выше, травы больше, забора нет. Внутри у девушки — то ли тоска, то ли разочарование. Она вздохнула и зашла в дом.

Пахнуло прелым. Что-то зашуршало по серым стенам. Лене показалось, что миллионы мелких жучков и паучков расползлись в стороны, попрятались по щелям. Ребята перекрикивались, казалось, что они слишком далеко, может, на другом конце деревни. Дом же устоял на Лену темнотой. Ничего. Ничего тут нет. Пустота. Чернота. И жучки. Деревянная мебель прогнила. Или дом ее медленно переварил в своем нутре. Сейчас и ребят начнет переваривать. Сожрал уже — хап, а они и не заметили.

Лена провела по стене рукой — шершавая и холодная, как тогда. В голове вспышками вскрик, шипение, ссора. Отдернула руку.

Дом смотрел на Лену из самого темного угла. Там его глаза? Лена подошла ближе. В углу сидела кукла — пыльная, грязная, чумазая, на щеках неровный фломастерный румянец. Это она смотрела на Лену. Не дом. Кукла. Смотрела. Лена наклонилась, взяла куклу в руки.

— Думаешь, ценная?

За Лениной спиной возник Митя.

— Не думаю.

Лена выпрямилась.

— Даже как советскую игрушку не продать?

— Даже как советскую. Смотри, как разрисована.

Кому такая нужна?

— А если отмыть?

— Попробуй. Мороки больше.

— Давай тогда выкину, — предложил Митя.

Но Лена вцепилась в куклу, прижала к себе, вытерла с нее пыль о свою толстовку.

— Ты чего? — Митя нахмурился. — Чего к ней так пристала? Или скрываешь, что она на самом деле деньжищ стоит?

— Да нет, не стоит, — сказала Лена. — Просто... Просто у меня в детстве такая же была. А потом потерялась. Я оставлю себе, okay?

Митя посмотрел на куклу. Посмотрел на Лену. Сощурил глаза — не доверял.

— Ладно. Но как только появится связь, я проверю на «Авито», сколько такое страшилище стоит.

Тут раздался Данин крик:

— Гляньте, что нашел!

С грохотом в комнату ввалилась стиральная машина. Следом за ней Даня. Дом наполнился гулом и сам загудел в ответ. Возмутился. «Эй! Мое!» Лена при виде стиралки нахмурилась.

— И? — не понял Митя.

— Что и? — передразнил Даня. — На безрыбье и старая стиралка — куш. Можно на метал-

лолом сдать. Окупим бензин хотя бы. Все не зря гоняли.

— Зачем в такой хибаре стиралка? — спросила Юля. И тут же вытаращила глаза. — Не потащим же мы ее к машине!

— Почему?

— Далеко. Тяжело.

— Не тебе тащить, — огрызнулся Даня. — Мить, поможешь?

— Легко, — согласился Митья.

Они принялись перекатывать машинку с боку на бок, подгоняя к выходу, выволокли грохот в лес.

Лене хотелось заткнуть уши, закрыть глаза, захлопнуть дверь — лишь бы не видеть. Но чего? Чего она боится? Что парни забирают ненужную машинку? Они утаскивали и не такое. Документы, серебряные ложки, старинные зеркала, ценные кольца и броши. И ни разу у нее не екнуло. А тут стиралку пожалела.

Грохот ширился, наполнял собой лес. Парни перебивались, будто мало им шума. Юля с Леной вышли следом — в доме больше нечего искать. Лена все еще прижимала к груди грязную куклу. Юля покосилась на нее:

— Это что еще такое?

— Да так. Напомнила о детстве, — пояснила Лена.

— Страшилище какое.

Возвращались той же дорогой, но вышли не туда. Будто в еще более глухой лес забрались. Юля выругалась:

— Ну началось.

А что, по ее мнению, началось, не сказала.